

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

I

ЛАТИНСКИЙ ЯЗЫК ГЕРЦОГА ГИЗА

Восемнадцатого августа 1572 года был понедельник, но в Лувре отмечали большое празднество.

Ярко светились обычно темные окна старинного королевского дворца, а соседние улицы и площади, как правило, пустевшие, едва лишь колокол на церкви Сен-Жермен-Л'Озерау бил девять часов вечера, кишели народом даже в полночь.

Огромная, грозная, шумная толпа напоминала темное зыблющееся море, откуда несся рокот набегавшего прибоя; людские волны, прорываясь сквозь улицу Фосе-Сен-Жермен и улицу Астриус, заливали набережную, приливали к стенам Лувра и отливали к цоколю Бурбонского дворца, стоявшего напротив.

Несмотря на королевский праздник, а может быть, именно благодаря ему, что-то грозное чувствовалось в толпе народа, который присутствовал на нем как постоянный зритель, но твердо верил, что этот праздник — лишь пролог к другому, отложенному на неделю торжеству, где он будет желанным гостем и разгуляется вовсю.

Королевский двор праздновал свадьбу Маргариты Валуа, дочери покойного короля Генриха II и сестры царствующего короля Карла IX, с Генрихом Бурбоном, королем Наваррским. Утром кардинал Бурбонский, совершив брачный обряд, установленный для наследниц французского царствующего дома, обвенчал брачующихся на помосте, воздвигнутом перед воротами собора Парижской Богоматери.

Этот брак изумил всех, а людей самых дальновидных заставил сильно призадуматься; сближение двух таких ненавистных друг другу партий, какими были в это время протестантская и католическая, казалось невозможным. Спрашивалось, как может принц Конде простить брату короля, герцогу Анжуйскому, смерть своего отца, убитого в Жарнаке капитаном Монтестью, или как герцог Гиз простит адмиралу Колиньи смерть своего родителя, лишённого жизни в Орлеане дворянином-гугенотом Польтро де Мере. Более того: королева Жанна Наваррская, отважная супруга безвольного Антуана Наваррского, сосватавшая своего сына за Маргариту Валуа, умерла каких-нибудь два месяца тому назад, и о причине ее внезапной смерти ходили подозрительные слухи. Шепотом, а кое-где и громко говорили о том, что королеве Жанне стала известна какая-то страшная тайна и Екатерина Медичи, боясь разоблачений, отравила ее ядовитыми душистыми перчатками, которые изготовил некий флорентиец по имени Рене, большой мастер в делах такого рода. Распространению и утверждению всех этих слухов способствовало то обстоятельство, что по просьбе сына королевы после ее смерти двум медикам, в том числе и знаменитому Амбруазу Паре, было поручено вскрыть и обследовать тело, но не касаться мозга. А так как Жанна была отравлена посредством запаха, то лишь в мозгу умершей могли быть обнаружены следы совершенного преступления. Именно преступления, поскольку никто не сомневался, что оно имело место.

Но и это далеко не все: сам король Карл прилагал все усилия, чтобы устроить этот брак, который должен был не только установить мир в королевстве, но и привлечь в Париж всех видных протестантских главарей. Так как жених был протестант, а невеста католичка, то нужно было получить разрешение на брак у Григория XIII, занимавшего в то время папский престол. Разрешение задерживалось, и это сильно беспокоило Жанну д'Альбре,

которая однажды в разговоре с Карлом выразила сомнение в том, что католическая церковь благословит этот брак; но король ответил:

— Милая тетушка, не беспокойтесь, я уважаю вас больше, чем папу, а сестру люблю сильнее, чем боюсь его. Я не гугенот, но и не дурак, и если папа будет чинить препятствия, то я сам возьму за руку Марго и поведу ее венчаться с вашим сыном по протестантскому обряду.

Вскоре эти слова разнеслись по городу, очень обрадовали гугенотов, сильно озадачили католиков и вызвали среди последних тайные разговоры о том, изменяет ли им король на самом деле или разыгрывает комедию, которая в один прекрасный день или прекрасную ночь закончится неожиданной развязкой.

Что было особенно непостижимо — так это отношение Карла IX к адмиралу Колиньи, который в течение пяти или шести лет вел ожесточенную войну против него: до этого сближения монарх назначил пятьдесят тысяч экю золотом в награду за голову адмирала, теперь же чуть ли не клялся его именем, называл своим отцом и во всеуслышание заявлял, что только ему доверит ведение предстоящей войны во Фландрии; даже сама Екатерина Медичи, до сих пор направлявшая волю, действия и даже намерения молодого короля, была всерьез обеспокоена, и не без причины: дело в том, что как-то в беседе с адмиралом о Фландрской войне в порыве откровенности Карл IX заявил ему:

— Отец, мы должны быть очень осторожны: вы знаете, что королева-мать сует во все свой нос, но об этом деле пока ничего не знает; поэтому нам надо будет вести его так, чтобы королева о нем даже и не подозревала, а то с ее сварливостью она нам все испортит.

Колиньи, при всем своем уме и опытности, все же не мог полностью скрыть оказанное ему королем доверие. В Париж он прибыл крайне настороженным; когда выезжал из

Шатийона, одна крестьянка молила его на коленях: «О добрый господин наш, не ездь в Париж; и тебя и всех, кто поедет с тобой, там ждет смерть!» Но мало-помалу все подозрения рассеялись и у него, и у его зятя де Телиньи, к которому король проявлял самые дружеские чувства, называл его братом, как называл отцом адмирала, говорил ему «ты», чем отличал только самых близких друзей.

В результате все гугеноты, за исключением нескольких угрюмых и недоверчивых людей, совершенно успокоились: смерть наваррской королевы стали приписывать воспалению легких, а в просторных залах Лувра толпились мужественные протестанты, которым брак их юного вождя Генриха сулил нежданно счастливый поворот судьбы. Адмирал Колиньи, Ларошфуко, принц Конде-сын, де Телиньи — словом, все главари партии торжествовали, видя, как были приняты и какой огромный вес приобретали в Лувре те самые люди, которых три месяца назад король и Екатерина Медичи собирались вешать на особых виселицах, выше, чем простых убийц. Только маршала де Монморанси не было среди собратьев — его нельзя было ни заманить обещаниями, ни обмануть показными чувствами, он уединился в своем замке д'Иль-Адан, объясняя отшельничество скорбью об отце, коннетабле Анн де Монморанси, которого убил из пистолета Роберт Стюарт в сражении при Сен-Дени. Но так как со времени этого события прошло более трех лет, а чувствительность была не в духе того времени, то каждый мог думать по поводу такого чрезмерно продолжительного траура все что угодно.

К тому же обстоятельства складывались не в пользу маршала де Монморанси: и королева, и король, и герцог Анжуйский, и герцог Алансонский — все радушно принимали своих гостей на этом королевском празднестве.

Сами гугеноты вполне заслуженно хвалили герцога Анжуйского, за битвы при Жарнаке и Монконтуре, которые он выиграл, когда ему не было и восемнадцати лет, —

раньше, чем Цезарь и Александр Македонский, да и вообще вдруг оказалось, что он превзошел этих победителей при Иссе и Фарсале. Герцог Алансонский посматривал вокруг с притворным благодушием; королева Екатерина сияла радостью и с наигранной любезностью поздравляла Генриха Конде с недавней женитьбой на Марии Клевской; даже Гизы улыбались своим заклятым врагам, и герцог Майнцкий обсуждал с Таваном и адмиралом Колиньи предстоящую войну, которую должны были объявить Филиппу II, королю испанскому.

Среди гостей, разбившихся на группы, бродил, слегка потупив голову и вслушиваясь в разговоры, юный брюнет лет девятнадцати, с умным взглядом, лукавой улыбкой, орлиным носом, коротко подстриженными волосами, густыми бровями и едва пробившимися усиками и бородой. Этот молодой человек, успевший отличиться пока лишь в битве при Арне-ле-Дюк, где храбро дрался, не щадя себя, а теперь принимавший поздравления со всех сторон, был любимым учеником адмирала Колиньи и героем сегодняшнего дня; совсем недавно, при жизни матери, его называли принцем Беарнским, а после ее смерти он наследовал титул — король Наваррский, пока не стал королем Франции — Генрихом IV.

Иногда темное облачко вдруг омрачало его лоб: очевидно, он вспоминал смерть матери, почившей всего два месяца тому назад, и больше всех был уверен в том, что ее отравили. Но это облачко лишь проносилось легкой тенью и быстро исчезало; оно набегало оттого, что все люди, которые сейчас толпились около Генриха, заговаривали с ним и поздравляли, были убийцами отважной Жанны д'Альбре.

Недалеко от короля Наваррского, который старался выглядеть радушным и веселым, стоял задумчивый и взволнованный герцог Гиз и вел беседу с Телиньи. Герцогу повезло в жизни больше, чем Беарнцу: в двадцать два года он пользовался почти такой же славой, как и его отец, могу-

щественный Франсуа де Гиз. Это был изящный вельможа высокого роста, с надменным, гордым взглядом и такой природной величавостью, что, по мнению многих, все прочие придворные в его присутствии казались простолюдинами. Несмотря на молодость, вся католическая партия видела в нем своего вождя, так же как протестанты считали своим предводителем юного короля Наваррского.

Сначала герцог Гиз носил титул герцога Жуанвильского и первое боевое крещение получил во время осады Орлеана под началом своего отца, который умер на его руках, назвав адмирала Колиньи своим убийцей.

Тогда же юный герцог, подобно Аннибалу, дал торжественную клятву отомстить и адмиралу, и всей его семье за смерть отца, безжалостно и неустанно преследовать врагов своей религии, обещал Богу стать его ангелом-воителем на земле до того дня, пока не будет истреблен последний еретик. Теперь же все с огромным изумлением наблюдали, как этот принц, обычно верный своему слову, пожимает руки заклятым врагам и, несмотря на обет умирающему отцу убить адмирала, приятельски беседует с его зятем.

Но мы уже сказали, что это был вечер, полный неожиданностей.

Действительно, если бы какой-нибудь наблюдатель, способный предвидеть будущее, что людям, к счастью, не дано, и способный читать в душах, что, к несчастью, дано лишь Богу, вдруг очутился на этом торжестве, то он, конечно, наслаждался бы самым любопытным зрелищем, какое может представить нам история человеческой цивилизации.

Но хотя такого наблюдателя не оказалось на галереях Лувра, зато он был на улице, где грозно раздавался его ропот и гневом искрились глаза: то был народ, с его инстинктом, предельно обостренным ненавистью; он издали глядел на силуэты своих непримиримых врагов и толковал их чувства так же простодушно, как это делает прохожий,

глазая в запертые окна зала на танцующих. Музыка увлекает и ведет танцоров, а он видит только движения и, не слыша музыки, потешается над тем, как эти марионетки скачут и суетятся без видимой причины.

Музыкой, увлекавшей гугенотов, было их удовлетворенное тщеславие, а взгляды парижан, наблюдавших за ними, излучали ненависть.

Во дворце же все веселились по-прежнему; по всему Лувру пронесся восхищенный и мягкий говор, сопровождавший появление новобрачной: сняв подвенечный наряд, длинную вуаль и мантию, она входила в зал вместе с герцогиней Неверской, самой близкой подругой, и с братом, Карлом IX, который вел ее за руку и представлял наиболее почетным гостям.

Эта новобрачная — дочь Генриха II, Маргарита Валуа — была жемчужиной в короне Франции, и Карл IX, питавший к ней особенную нежность, обычно звал ее «сестричкой Марго».

Восторженная встреча была вполне заслужена юной наваррской королевой. Маргарите едва исполнилось двадцать лет, но все поэты писали ей хвалебные стихи, сравнивая то с Авророй, то с Киферой. По красоте ей не было равных даже здесь, при дворе Екатерины Медичи, которая старалась подбирать на роль своих фрейлин самых красивых женщин, каких только могла найти. Черноволосая, с замечательным цветом лица, выразительными глазами, обрамленными длинными ресницами, чувственным алым ртом и стройной шеей, с роскошным гибким станом и маленькими, детскими ногами в атласных туфельках — такой предстала Маргарита Валуа. Французы гордились тем, что их страна взрастила этот удивительный цветок, а иностранцы, побывав во Франции, возвращались к себе на родину ослепленные красотой, если приходилось только поглядеть ее, и восхищенные образованием, если удавалось с ней поговорить. И в самом деле, она была не только

самой красивой, но и самой образованной из современных женщин; вот почему нередко вспоминали фразу одного итальянского ученого, который был ей представлен, беседовал с ней целый час по-итальянски, по-испански, по-гречески и по-латыни и, выйдя от нее, восторженно сказал: «Побывать при дворе, не повидав Маргариту Валуа, — значит не увидеть ни Франции, ни французского двора».

Не было недостатка в похвалах и самому королю Карлу IX — ведь известно, какими искусными ораторами были гугеноты. В эти речи ловко вплетались и намеки на прошедшее, и пожелания на будущее. Но Карл IX, хитро улыбаясь, давал на все это один ответ:

— Отдавая Генриху Наваррскому мою сестру, я отдаю в ее лице свое сердце всем гугенотам моего королевства.

Такой ответ на некоторых действовал успокоительно, у других вызывал улыбку, допуская двусмысленное толкование: первое — как отеческое отношение короля ко всему народу, но Карл IX сознательно не собирался придавать своей мысли такую широту; а другое толкование — обидное для новобрачной, для ее мужа, да и для самого Карла, поскольку его слова невольно вызывали в памяти сплетни, которыми дворцовая хроника уже успела испачкать брачные одежды Маргариты Валуа.

Как мы уже сказали, герцог Гиз беседовал с де Телиньи, но при этом он время от времени оборачивался и бросал взгляд на группу дам, в центре которой блистала Маргарита Валуа. И всякий раз, когда взгляд наваррской королевы встречался с взглядом молодого герцога, тень набегала на ее красивый лоб, обрамленный, словно ореолом, трепетным сверканием алмазных звезд, и во всей ее манере держаться, выражавшей нетерпение и беспокойство, проглядывало желание что-то предпринять.

Ее старшая сестра, принцесса Клод, недавно вышедшая замуж за герцога Лотарингского, заметила тревожное